

«Сибирские сепаратисты» в 1945 году: «контрреволюция» на пустом месте

Мифология и склонность к искаженному восприятию реальности — родовой признак сталинизма. Вымыслами о бесчисленных “заговорщиках”, “оппортунистах” и “вредителях” буквально пропитана вся политическая история России периода сталинской диктатуры.

“Враги” партии и государства существовали повсеместно — то как тайные организации, то как некие дерзкие одиночки, совершавшие либо собирающиеся совершить опасные подрывные действия на каждом участке общественной или хозяйственной жизни. Своим постоянным присутствием они наполняли особым, полумистическим смыслом деятельность карательных спецслужб, служили той почвой, на которой произрастали многие партийные мифы. Масштабы и способы борьбы против этих элементов определялись в основном политическим заказом руководства страны. Но большое значение имела и собственная инициатива “органов”, их изобретательность и политическая фантазия.

В мае 1945 года, спустя две недели после окончания войны с Германией, в Новосибирске усилиями транспортного отдела НКГБ на Томской железной дороге был разоблачен и арестован важный “агент контрреволюции”, по совершенно необычному обвинению — в попытке создать “сибирскую партию” с целью отделения Сибири от СССР. Это был 40-летний начальник кафедры основ марксизма-ленинизма Новосибирского института военных инженеров транспорта (НИВИТ), доцент Яков Григорьевич Дерягин. Для самого Дерягина, как и для многих его знакомых, арест оказался полной неожиданностью. Ни один факт его общественной или личной биографии до сих пор не мог вызывать каких-либо сомнений. Напротив, все говорило о почти безупречной репутации активного коммуниста и обычного советского руководителя нижнего звена. Он имел 18-летний партийный стаж, высшее образование (закончил Академию коммунистического воспитания им. Крупской), с 1938 года работал преподавателем в НИВИТе, по совместительству руководил лекторской группой горкома ВКП (б), читал лекции в областной партийной школе и на различных курсах. О работе и личной жизни Дерягина было хорошо известно в официальных структурах, в круг его знакомых и друзей входили работники горкома и обкома партии, сотрудники вузов, местные деятели искусства.

В постановлении на арест Дерягина, санкционированный начальником транспортного отдела НКГБ Осюнькиным и прокурором дороги Волошиным, кратко излагалась суть обвинения:

“Проводя практическую работу по отделению Сибири от СССР, Дерягин занимается организацией предназначенной для этой цели “сибирской партии” и вербует в нее новых членов из среды интеллигенции. В январе 1945 г., пытаясь вовлечь в “сибирскую партию” нового члена, Дерягин заявил: — Я хочу организовать Сибирское государство без коммунистов, евреев и грузин. Для этой цели я создал партию, руководителем которой и являюсь... Предлагаю тебе вступить в партию по созданию Сибирского государства. Должен предупредить тебя, что это означает разрыв с коммунизмом” [1].

В постановлении приводились и другие “контрреволюционные высказывания” Дерягина, полученные от неназванных свидетелей, и раскрывающие далеко идущие замыслы руководителя сибирских “сепаратистов”:

“Нужно отделиться от СССР, создать особое Сибирское государство. Сибиряки — это самый способный народ и самый воинственный. Он выносит на своих плечах всю тяжесть войны. Сибирские части прославились как исключительные по своему героизму. Но что за это получит сибирский народ? — Ничего, кроме колониального положения. Из Сибири после войны опять будут все выколачивать. Сибирь имеет все необходимое, чтобы стать вполне самостоятельной. Нужно создать Сибирское государство. Сибирь превратится в могущественное государство, оно покорит весь мир”.

Дерягина доставили в тюремную камеру и стали вести следствие по выявлению всей тайной сети заговорщиков. Следственная бригада, состоявшая из сотрудников НКГБ — Шитова, Третьякова, Нимеровского, Конониченко, с первых же шагов постаралась твердо внушить арестованному смысл его положения. Дерягину объявили, что следствие располагает необходимыми доказательствами, и вопрос о его

виновности в создании подпольной партии уже решен, поэтому речь будет идти только о том, останется ли он в живых и получит ли некоторое снисхождение в случае полного раскаяния и признания вины. Следователи добавляли также, что, кроме внушений, у них есть и другие методы, способные заставить любого арестованного признаться, т.е. — “мы бьем”, и это право нам предоставила партия.

Потрясенный и растерянный, Дерягин, однако, не согласился принять такой сценарий расследования. Не сознавая за собой ни малейшей вины, он стал решительно протестовать. “Две недели меня сутками держали на допросе и ничего не писали, — показывал он позднее во время суда. — Меня ругали, оскорбляли всякими словами, сажали в холодный мокрый карцер”.

Убедившись, что от арестованного невозможно добиться признательных показаний и что сам он не вполне ясно понимает, что от него хотят, следователь Третьяков решил “помочь” арестованному. На очередном допросе он рассказал ему о том, как следствие представляет себе конкретную схему возникновения “сибирской партии” и “вербовки ее членов”, а затем предложил подозреваемому написать об этом в своих показаниях. Дерягин взялся за перо. Однако когда он закончил свою работу, следователь пришел в ярость: составленный текст никак не соответствовал чекистскому замыслу. Дерягин рассказывал: “Тогда он всю мою писанину изорвал, всячески при этом ругая и оскорбляя. Заявил: ты у нас признаешься! Тут же ударил меня в солнечное сплетение, и меня вновь отвели в карцер”. В результате избиения и эмоциональных потрясений у арестованного начались серьезные проблемы со здоровьем: появились сильные головные боли, психическое расстройство, развилась частичная потеря зрения. Он несколько раз просил вызвать врача, но помощи никто не оказывал. Однажды врач все-таки появился, осмотрел больного и выписал рецепт, однако лекарство в камеру так и не поступило. Не появлялся и прокурор, встречи с которым неоднократно требовал подследственный.

В таких условиях Дерягин стал терять способность к дальнейшему сопротивлению. В конце концов он уступил истязателям. В ходе очередного допроса он решил подписывать все, что предлагали следователи Третьяков и Нимеровский. Но процедуру дальнейшего “разоблачения сепаратистов” вскоре пришлось приостановить, так как из-за расстройства психики у подследственного начались галлюцинации. Он не мог спать, стал систематически терять самоконтроль и впадать в беспамятство. Теперь уже потребовалось безотлагательное вмешательство врачей. Для восстановления здоровья Дерягина на первое время поместили в одну из больниц в Новосибирске, а затем переправили в Томск для лечения в специальной психиатрической лечебнице.

Процесс выздоровления продолжался три месяца. Когда психическое состояние арестованного восстановилось и он почувствовал себя лучше, следствие по делу “сибирской партии” возобновилось. Одна из задач, которая особенно беспокоила следователей и без решения которой “дело” не могло гладко проходить через суд военного трибунала, состояла в выяснении персонального состава членов “сибирской партии”. Пока у следователей был только “организатор партии”, готовый признать свою роль и ответственность за “сепаратизм”. Но должен был существовать и остальной “актив” — “сподвижники” и “исполнители”. В этой части расследования успехи чекистов были все еще крайне малы.

Кандидатуры “сподвижников” стали отчетливо выявляться в ходе последующих допросов, при выяснении у Дерягина круга его друзей, знакомых и сослуживцев. Арестованному пришлось признать своими “сторонниками”, а затем занести на бумагу целый ряд имен тех, кто более всего соответствовал сценарию “заговора”. Когда в списке возможных “участников” было уже более десятка имен, у следователей появилась возможность оформить его в “партию”. На суде военного трибунала Дерягин признавался: “Следователь Третьяков, вызвав меня к себе, без записи протокола назвал мне фамилии пропагандистов и лекторов: Матвиенко, Малов, Анфилович, Рагозин, Протопопов, Григоров и другие... и сказал, что эти лица имеют нездоровые настроения, и я должен на них написать собственноручное показание, что я и сделал по принуждению”. Но следствие решило пойти еще дальше и украсить список именами более крупных деятелей. На одном из допросов следователь Третьяков потребовал включить в состав “сибирской подпольной организации” секретаря Новосибирского обкома ВКП (б) Яковлева и бывшего председателя облисполкома Гришина [2].

Затем криминальный список был подвергнут еще одной корректировке в ходе проведения очных ставок. В управление Новосибирского НКГБ на встречу с Дерягиным был вызван ряд его знакомых и коллег. Следователи сажали их спиной друг к другу, требовали смотреть в стену и в присутствии прокурора Филина предлагали подтвердить участие того или иного лица в “тайной организации”. В результате проведенной “работы” со свидетелями ряд имен “членов сибирской партии”, в том числе секретаря Яковлева, был подтвержден с помощью очных ставок. Так наконец удалось определить относительно устойчивый круг потенциальных “заговорщиков” для передачи уголовного дела в суд военного трибунала.

Первое заседание трибунала по делу “сибирской партии” состоялось в начале 1946 года, но продолжалось недолго и ничего по существу не рассматривало. Как только подсудимый Дерягин заявил об отказе от своих показаний и проявил желание рассказать о характере самого следствия, было решено процесс остановить и направить дело на дополнительное расследование.

После суда следствие перешло в руки другой бригады оперативников. Дерягина больше не мучили, но и освобождать из камеры не собирались. Следователям нужен был реальный результат, способный оправдать их многомесечную, но все еще бесплодную разоблачительную активность, поэтому их усилия сосредоточились на подготовке к суду свидетелей, входящих в круг знакомых и сослуживцев подсудимого. Замысел о “сибирской партии” пришлось оставить: он был связан с обвинениями ряда видных партийных руководителей и мог вызвать нежелательные последствия для властей. В результате уголовное дело приняло более узкие рамки, сузившись от “тайной организации” (ст. 58-2 и 58-11 УК РСФСР) до “антисоветской агитации” одного Дерягина (ст. 58-10, ч. 2 — “клевета на мероприятия советского правительства в отношении Сибири и пропаганда создания сибирского государства”). К этому времени у следователей имелось уже не менее шести свидетелей, готовых давать “нужные” показания.

В марте 1947 года начался повторный суд военного трибунала. Свидетелями по делу были вызваны около 20 человек из числа друзей и коллег обвиняемого, включая известных в Новосибирске научных и партийных работников, артистов, преподавателей вузов: директор пединститута Н.Е. Рогозин, главный режиссер театра “Красный факел” В.П. Редлих, ведущий артист этого же театра С.С. Бирюков, научные сотрудники К.Н. Коржавин, Г.И. Журавлев, Кулешов и др. Как ни странно, с первых же шагов процесса рассмотрение уголовного дела стало происходить совсем не так, как рассчитывали следователи НКГБ. Председатель трибунала, подполковник юстиции Яковлев, вел заседания в духе независимого и объективного разбирательства, благодаря чему чекистский сценарий процесса начал расплываться по швам. Большинство свидетелей дали о Дерягине такие показания, которые приобщить к обвинению было невозможно. Они положительные характеристики подсудимому, но ничего не могли вспомнить о “враждебных намерениях”. Затем суд допросил четырех свидетелей обвинения (еще двое на суд не явились). Однако их показания звучали крайне неубедительно и изображали “агитацию” подсудимого не более как бытовое недовольство, как “ворчание на кухне”. Один из них — по профессии юрисконсульт, родственник обвиняемого, — показывал: “... Дерягин всегда был для меня авторитетом, с ним у нас был разговор об окончании войны и на другие политические темы. Я никогда ничего антисоветского от него не слышал... В марте 1945 года... Дерягин говорил мне об обиде сибиряков, о самостоятельности Сибири. Говорил, что Сибирь в загоне, что она должна быть самостоятельным государством, высказывал недовольство тем, что из Сибири берут много продовольствия и войск, а Сибири ничего не дают. У нас произошел спор...”

Еще более развернутые показания дал основной свидетель обвинения — сотрудник Новосибирского пединститута И. М-ин. В его рассказе Дерягин предстал как непримиримый критик советского правительства, устремленный к тому, чтобы защитить Сибирь и ее ресурсы от колониальной политики государства посредством отделения от СССР. “Дерягин был однажды у меня в гостях, — стал вспоминать свидетель. — Мы выпили, закусили. Затем у нас произошел разговор. Дерягин говорил, что Сибирь — край богатый, но в данный момент остается колонией. Во главе Сибири стоит неавторитетный человек, не способный защищать интересы края [3].

В то же время у Сибири есть все возможности стать самостоятельным государством и следует этого добиваться”. В подтверждение этих слов свидетель заявил, что Дерягин рассказал о некой сибирской партии, имеющей свой устав и программу, и предлагал собеседнику вступить в ее ряды.

В ходе дальнейшего допроса свидетеля М-на участкам процесса удалось сделать для себя небольшое открытие, пролившее свет на истоки “дела об отделении Сибири”. Неожиданно для всех свидетель рассказал суду о том, как еще весной 1944 года, после дружеского вечера и совместно застолья, подал на Дерягина заявление в органы НКГБ (с апреля 1946 г. — МГБ) и что так же поступила его жена — свидетельница откровенных высказываний их гостя. Эти признания произвели определенное впечатление на председателя суда Яковлева. Посоветовавшись с двумя другими членами трибунала, председатель решил выяснить мнение сторон об истребовании заявлений М-ных из “органов”. Адвокат, разумеется, тут же выразил согласие. Однако сторона обвинения стала решительно возражать. Прокурор Зайцев заявил, что никакой необходимости об истребовании заявлений М-ных нет, что по инструкции НКГБ такие заявления не могут выдаваться суду и что вообще сейчас трудно найти эти бумаги в структурах областного управления НКГБ. Но на мнение председателя трибунала аргументы прокурора не смогли повлиять. Суд вынес определение истребовать доносы и приобщить их к уголовному делу. В 1 час. 20 мин. ночи председатель объявил перерыв до утра.

На второй день процесса были допрошены остальные свидетели, а затем выступил сам подсудимый. Своими показаниями Дерягин окончательно разрушил всю конструкцию обвинения. (В условиях 1947 года это оказалось возможным.) Он воспроизвел подробности некоторых встреч, частных бесед с коллегами и представил опровержение лживых показаний ряда свидетелей. Еще более важным было описание Дерягиным того кошмара, который ему пришлось пережить в ходе следствия в застенках НКГБ. Были названы имена всех истязателей, раскрыты противозаконные приемы и уловки следствия.

На третий день военный трибунал вынес свой приговор: подсудимого оправдать, из-под стражи немедленно освободить. Одновременно с этим трибунал посчитал необходимым преподать урок чекистскому следствию. В своем секретном определении в адрес следствия суд привел фрагменты из разоблачительных показаний подсудимого, а также указал на явные преувеличения и фальсификации со стороны свидетелей. В итоге суд постановил: о допущенных нарушениях ряда статей УПК РСФСР, выразившихся в использовании угроз и принуждения при допросах по делу Дерягина Я.Г., довести до сведения министра юстиции Союза ССР.

Было ли выполнено это судебное постановление — остается неизвестным. Но известно другое: обвиняющая сторона, потерпевшая полное поражение, не собиралась сдаваться. Спустя два дня после своего провала на процессе прокурор Зайцев направил протест в Военную железнодорожную коллегию Верховного суда СССР. В кассационном заявлении он отмечал, что «показания свидетелей в суде остались ни в чем не опровержены и ссылка суда на то, что они не нашли своего подтверждения, совершенно неправильна», что обвиняемый действительно «клеветал на партийное руководство Новосибирской области, считая его незаинтересованным в развитии экономики Сибири, высказывал террористические тенденции...». Коллегия Верховного суда сочла доводы прокурора обоснованными, и приговор был отменен.

26 января 1948 года по «делу Дерягина» состоялся третий суд военного трибунала. По большей части он носил скорее формальный характер. Длительных прений сторон больше не проводилось, новые следственные материалы не представлялись... В течение дня судьи завершили рассмотрение дела и вынесли оправдательный приговор, подтвердив вердикт предыдущего суда. Но через неделю прокуроры опять подали кассационный протест и добились отмены приговора. Было похоже, что процесс попал в «дурную бесконечность».

Спустя полгода, в мае 1948-го, рассмотрение уголовного дела добралось, наконец, до самого верха — до Железнодорожной коллегии Верховного суда СССР. Это был уже четвертый процесс по одному и тому же делу. На судебные заседания коллегии, проходившие в Москве, пришлось вызывать и доставлять особым порядком всех участников процесса — одного обвиняемого и одиннадцать прежних свидетелей. Остальных свидетелей из-за смены ими места жительства и по другим причинам разыскать не удалось. В течение двух дней на суде под председательством судьи Никитченко вновь изучались все обвинения и все уже озвученные факты о попытке создания самостоятельного сибирского государства, а также о контрреволюционной пропаганде по организации сибирской партии. В итоге был вынесен заключительный вердикт: «Дерягина Я.Г. считать по суду оправданным. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит».

Яковлев Иван Дмитриевич (1910—1999) — советский партийный и государственный деятель; в 1944—1946 — второй секретарь Новосибирского обкома ВКП (б); в 1949—1955 — первый секретарь Новосибирского обкома; в 1955—1957 — секретарь ЦК компартии Казахстана. В 1958—1961 — первый секретарь Ульяновского обкома КПСС, затем — председатель Омского горисполкома, зам. председателя Омского облисполкома. С 1973 — на пенсии. Депутат Верховного Совета СССР 6–8 созывов; член ЦК КПСС (1952—1961).

Гришин Иван Тимофеевич (1911—1985) — советский партийный и государственный деятель; с ноября 1940 — уполномоченный КПК при ЦК ВКП (б) по Новосибирской обл. В 1941—1945 — председатель Новосибирского облисполкома. С 1948 — секретарь Сталинградского обкома КПСС. В 1956—1959 — посол СССР в Чехословакии. С 1959 — зам. министра внешней торговли СССР; член ЦК КПСС (1952—1956).

Примечания:

1. Архив УФСБ по НСО. Д. 2281. Т.1. Л. 2.

2. Там же. Т. 3. Л. 270 об., 278.

3. Здесь содержится ясный намек на первого секретаря Новосибирского обкома ВКП (б) М.В. Кулагина, занимавшего этот пост с 1941 по 1949 гг. В судебных и следственных протоколах само имя секретаря не упоминается.

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Сергей Папков**.

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)